

Ленинградская правда. — 1988. — 7 апр.

Все начинается с любви

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Налицо театральный парадокс: пьес на современную тему пишется великое множество, а ставить нечего. Так по крайней мере утверждают театры.

А что думают драматурги?

— Хороших пьес во все времена появлялось не так уж много, но театр порой даже их ухищряется не замечать, — недоумевает Валентин Красногоров. — Выходит, что и при благополучном раскладе от последней точки до премьеры автору нередко приходится ждать и три, и пять, а то и все восемь лет.

Тут нет личной обиды. Профессиональное самолюбие ленинградского драматурга Красногорова может быть удовлетворено постановками его комедий на многих театральных подмостках страны.

— Что для Вас в Вашем писательском деле представляет наибольшую сложность?

— Об этом хорошо сказал Шкловский: самое трудное в профессии комедиографа — рассмешить четырнадцать инстанций. Правда, появилась надежда, что число их будет уменьшаться.

— Что такое перестройка с точки зрения драматурга?

— Если пишешь о том, о чем как гражданин и художник не можешь молчать, тогда не надо менять творческой ориентации после очередного партийного постановления. Я пришел в драматургию из науки, когда почувствовал неодолимую потребность поделиться своими тревогами. Почему-то именно этот жанр оказался для меня наиболее приемлемым способом самовыражения. Так появилась пьеса «Настоящий мужчина», которая двенадцать сезонов шла в Театре драмы и комедии на Литейном.

— А теперь устарела?

— Не думаю. Недавно она поставлена в Краснодаре как пьеса на тему перестройки, хотя ей уже почти два десятка лет. Та же ситуация — с комедией «Кто-то должен уйти». Речь в ней идет о тунике, в котором оказалась наша экономика, о безделье, некомпетентности, бессмысленности работы многих учреждений.

— Это воспринимается как горячий отклик на злобу дня...

— С той только поправкой, что написана пьеса четыре-

дцать лет назад. Есть в ней даже слово «перестройка». Дело, конечно, не в этом. Для меня принципиально важно другое: мне сегодня не надо краснеть за то, что я когда-то писал. Однако «пробивать» комедию пришлось многие годы. На ее пути стояло множество стандартных «запретительных» заборов. Эти формулировки и сейчас у меня на памяти: «очернительство нашей действительности», «выпячивание теневых сторон жизни», «пропаганда социального пессимизма».

— Но теперь, в разгар перестройки, как меняются взаимоотношения театра с драматургом?

— К сожалению, для оптимистических прогнозов пока поводов маловато. Театр по-прежнему живет все той же конъюнктурой, только на иной лад. Раньше ему требовалась пьеса о комсомольце, поехавшем на строительство БАМа, теперь подавай ему пьесу про выборы директора завода. Пора понять, что основная наша ценность сегодня — это те нравственные категории, от которых напрямую зависит духовное здоровье нации. Давайте обратимся к

человеку, к его внутреннему миру. Я, например, — за пьесу о любви со всеми сложностями, противоречиями, преодолениями. Ведь с нее все начинается в мире. Любовь, ненависть, одиночество — вот страсти и конфликты, которые питают и питают мировую драматургию. Если бы какой-нибудь чиновник античной эпохи написал на пьесе Софокла: «Нам не нужны герои с неустроенной личной судьбой», мы бы никогда не прочли «Царя Эдипа». Таково извечное свойство драмы: в ее основе — конфликт.

— В таком случае профессия драматурга уже в самом своем названии заключает конфликтность?

— Возможно, Вы и правы. Но я считаю, нашему брату пришлось бы куда легче, если бы мы больше занимались творчеством, а не устройством своих пьес. Две сотни драматических театров в стране. Попробуй выйди на них кустарным способом! Во многих странах есть авторские агентства: приносишь пьесу, платишь 10 процентов с возможных доходов и заручаешься поддержкой заинтересованных партнеров. Почему бы

нам не создать такую организацию, ведь речь о ней ведется уже много лет. Репертуарная комиссия Министерства культуры СССР для этого не годится. Пьесы там вообще не рассматривались, если они не о рабочем классе, не о воинах. Был даже термин придуман: «магистральная тема». Хороших пьес не так уж мало. Открыть их для зрителей — дело театра.

По своей первой профессии Валентин Красногоров — инженер-химик. Он — доктор технических наук, автор почти ста научных трудов. Не он первый пришел в драматургию из другого «цеха». Как и многие его товарищи по литературной судьбе, Красногоров учился в творческой мастерской Игнатия Дворецкого. На обсуждении своих первых пьес они были непримиримы, случалось, изрядно поругивали друг друга, а выросли все разными: Сергей Коковин, Людмила Разумовская, Владимир Арро, Семен Злотников, Рудольф Кац, Алексей Яковлев... Но одно качество объединяет их: обостренное чувство правды. Недаром критика называет сегодня «новую волну» драматургов одним из тех явлений, которые способствовали пробуждению общества в период застоя.

О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС —
для «Вечернего Ленинграда»